

Е. В. Власова
кандидат философских наук

Мы и наше тело. Культурные метаморфозы

Природа или культура?

«Заботься о теле — душа и так бессмертна!» — шуточный афоризм из польского журнала «Пшекруй» напоминает о далеко не шуточной проблеме.

Человеческое тело, включенное в жизнь общества, становится не столько природным, сколько культурным объектом и субъектом.

И тело, и разнообразные его проявления (телесность) буквально пронизаны социальными смыслами.

Жизнь нашего тела начинается с зачатия. Далеко не все дети запланированно появляются на свет, но когда их родители осознанно готовятся стать отцами и матерями, то это, несомненно, культурная деятельность. Беременность и роды в современном цивилизованном обществе трудно назвать естественно протекающими природными процессами.

Практически вся жизнедеятельность современного человека испытывает влияние культурных факторов.

Медицина — величайшее культурное приобретение человечества — разрабатывает и внедряет все новые технологии борьбы с телесными и духовными недугами. Выхаживают новорожденных с весом пятьсот граммов; излечивают болезни, которые сто и даже пятьдесят лет назад считали неизлечимыми. Наследственность — естественно природный фактор, но и он поддается культурной коррекции: врачи научились заблаговременно выявлять и предупреждать некоторые генетические болезни.

Далеко не все болезни имеют природное

происхождение; многие — результат непредвиденных последствий культурного развития, в частности, научно-технического прогресса.

Сегодня культура настолько вездесуща, что возникает вопрос: «Осталось ли вокруг нас что-нибудь исключительно природное?»

Или «Что осталось природного в человеческом теле, обитающем в человеческой культуре?»

Хочешь быть красивым — будь им!

Тело человека, живущего в культурной среде, перекраивается в соответствии с современными стандартами, на службу которым поставлена индустрия моды и красоты, включая клиники косметической хирургии, бодибилдинг, модные SPA- и тату-салоны, фитнес-клубы и другие оздоровительные центры. Женщины чуть ли не поголовно изнуряют себя диетами, стремясь соответствовать культурным эталонам дня.

Такое внимание к телу — не просто дань моде, оно имеет давнюю историю. Даже люди родоплеменного общества раскрашивали, татуировали, прокалывали и шрамировали свои тела, чтобы казаться красивее, подчеркнуть свой социальный статус и принадлежность к определенной общине. Причем это было повсеместно, независимо от того, где они жили — в тундре или в джунглях Амазонки.

Разумеется, татуировка и раскраска тела отличались у эскимосов и индийцев, у масаев и жителей Новой Каледонии, но правилом остается то, что они были, причем своя для каждого возраста, пола, статуса.

В угоду красоте природные формы тела подвергались безжалостной культурной коррекции: одни надевали на шею множество металлических колец, что в итоге приводило к атрофии шейных мышц; другие вшивали в нижнюю губу гигантскую пластину — пелеле; третьи вставляли в разрез в нижней губе 20-сантиметровую трубку; четвертые прибинтовывали свинцовые пластины к грудям девушек, чтобы те не выглядели слишком женственно; пятые надевали специальные колодки на стопу женщины и бинтовали ее, стремясь остановить рост стопы, — и деформировали ее до такой степени, что женщина не могла самостоятельно передвигаться. Зато «лотосовая стопа» считалась вершиной красоты в Китае, так же как и все прочие издевательства над телом у других народов.

Нет такой части тела, которая не подверглась бы культурной трансформации в стремлении человечества «улучшить» себя. Особенно «досталось» лицу, половым органам и коже. В этнографической литературе можно обнаружить многочисленные описания уродования различных частей тела: намеренной деформации черепа, прокалывания носа, губ, ушей... Любопытно, что у папуасов Новой Гвинеи и обитателей Каролинских островов проробление носовой перегородки осуществляют для того, чтоб после смерти удостоиться «лучшей жизни». То есть клин, вставляемый в нос, является своеобразным

пропуском в папуасский «рай». У многих первобытных народов ушные украшения служили отличительным знаком принадлежности к племени, высокого положения и достоинства, отличия храбрых воинов. У других народов они являлись знаком половой зрелости и возможности вступить в брак или, напротив, свидетельством того, что их носительница уже связана брачными узами... Иногда размеры губного украшения указывали на число детей, рожденных его обладательницей... Нередко в основе прокалывания ушей лежали религиозные и суеверные представления, например, защита от духов, предохранение от болезней, от «сглаза», вера в то, что ношение этих украшений усиливает физические и умственные способности. У древних инков в Перу прокалывание ушей в день совершеннолетия было связано с религиозным актом: вытекающая из ран кровь собиралась с помощью губки, а затем выжималась в жертвенную чашу перед богами... Травмирование тела как атрибут инициации вообще было распространено у первобытных племен повсеместно.

Чаще кольца, гвозди, застёжки, палочки, перья, зубы диких зверей, отполированные раковины, кусочки коры, кружочки в форме тарелочек, чурбанчики и другие инородные тела вставляли в проколы в носу, губах, ушах или на коже лица просто для красоты.

Многие народности, стремясь в своем представлении усилить физическую привлекательность, уродовали зубы; их выбивали частично или целиком с помощью долота, подпиливали напильником, округляя, зазубривая или заостряя. Украшали золотыми и перламутровыми пластинами, красили в черный или красный цвет. Полинезийцы уродовали зубы в знак траура, а жители Формозы — когда им удавалось добыть человеческую голову.

Кожу традиционно украшали татуировками, окрашиванием, шрамированием, выщипыванием волос. Все это служило для «усиления красоты», половой привлекательности, для того, чтоб запугать врагов, подчеркнуть статус. А то и как замена «одежды» у народов, привыкших ходить нагишом.

Культурные преобразования половых органов имели и некоторые специфические соображения, связанные с сексуальным удовлетворением и возможностью зачатия.

Наиболее распространенные увечья наружных половых органов — обрезание и кастрация. Они обусловлены в первую очередь религиозными предписаниями.

Мужское обрезание практикуется с глубокой древности до сегодняшнего дня у многих восточных народов — египтян, вавилонян, ассирийцев, иудеев, мусульман,

на островах Полинезии, в Новой Гвинее и т. д.; у каждого есть свои особенности и ритуалы в проведении этой операции, но повсюду она сопровождается празднествами, свидетельствующими о переходе мальчика во взрослую, мужскую жизнь и знаком приобщения к вере.

Существует множество объяснений происхождения этого обряда: гигиенические соображения, стремление удалить из тела дурные соки (папуасы), опознавательный знак для отличия «своих» от «чужих», средство увеличить половое наслаждение вследствие удлинения соития... Наиболее правдоподобной представляется версия, связанная с древним обычаем жертвоприношения детей. Ценность жертвы измерялась тяжестью потери. (Например, финикийцы приносили в жертву своих самых любимых детей, иногда специально — единственных.) Со временем стали возникать различные уловки, чтоб облегчить бремя жертвователя. Ход мысли у разных народов был одинаков: *отдать часть вместо целого* (у многих южных народов принято отсекать палец или фалангу при погребальном жертвоприношении, либо как жертву духам при инициации, либо ради исцеления близких) [14]. Логично предположить, что и крайняя плоть жертвовалась богам вместо самого ребенка.

Категория церемониальных уродований включает огромное число различных обрядов. И не только у первобытных племен.

Кастрация по религиозным соображениям восходит к христианскому обету целомуд-

рия. Теолог и философ Ориген сам оскотил себя во славу Божию, а его ученик Валерий основал первую скопческую секту. В середине XVIII в. в России Кондратием Селивановым была создана изуверская секта скопцов, которая просуществовала вплоть до 30-х годов XX века.

У некоторых современных мусульманских народов (особенно в странах Африки) до сих пор практикуется женское обрезание, зашивание наружных половых органов (инфибуляция) или, напротив, искусственное расширение влагалища... По некоторым данным, в современном мире обрезано свыше 100 миллионов женщин.

Мужская инфибуляция практиковалась древними римлянами по отношению к рабам с целью ослабить возбудимость или помешать оплодотворению... Несколько иначе выглядит операция мика или кульпи у аборигенов Австралии. Но цель та же — предупредить зачатие.

Уродование половых органов часто производится и для усиления сладострастия (индейцы Северной Америки, даяки, китайцы, альфуры, яванцы, суданцы и др.) [5].

Деформации тела в угоду красоте очень разнообразны.

У многих народов признаком красоты, особенно женской, является тучность. По-

этому девушек добрачного возраста специально раскармливают до бесформенной груди мяса. Припомним фигурки палеолитических Венер — они тоже непомерно тучны. Одно из объяснений: тучность — признак богатства и плодородия.

Не стоит думать, что современный европейский идеал женской красоты так уж совершенен. Погоня за стройностью, излишняя худоба иногда не позволяют женщине стать матерью, выносить и вскормить ребенка.

Все народы придают большое значение телесной красоте и физической полноценности. В индуизме телесный порок считается наказанием за прегрешения в прошлых жизнях. Китайцы полагали, что несчастья в стране пошли оттого, что император был хром. В Древнем Риме жрицами огня — весталками — могли быть только девушки без телесных недостатков.

Но телесный недостаток мог быть и знаком избранности: хромота или слепота могли обозначать особую мудрость и магическую силу.

У многих народов с древности сохранились следы представлений о связи жизненных сил человека, даже самой его жизни с его волосами.

У первобытных народов все манипуляции с волосами имели магический характер. Так, завладев прядью волос человека, можно было получить власть над его жизнью и причинить ему страшный вред.

Нестриженные волосы могли быть знаком особого положения человека. Жрецы хауса (народ в Нигерии) на протяжении всей своей

жизни не стригут волос, дабы не тревожить обитающего там духа.

В средневековой Европе считали, что сила колдунов и ведьм находится в их волосах, поэтому людям, обвиняемым в колдовстве, обривали головы.

Волосы стригли и в знак траура. В Древней Греции, отрезая прядь волос у мертвого, отпускали его душу в загробный мир. Сохранилось свидетельство Геродота о таком своеобразном ритуале инициации, который проходили юноши и девушки на Делосе [3, Кн. 4].

Там же он упоминает об обычае отрезать локон волос у девушки перед свадьбой и жертвовать его в храм Артемиды; очевидно, этот обряд символизировал прощание с девичеством и должен был обеспечить плодovitость будущей матери.

А обряд освящения волос, остригаемых у мальчиков в Европе, имел значение символической жертвы.

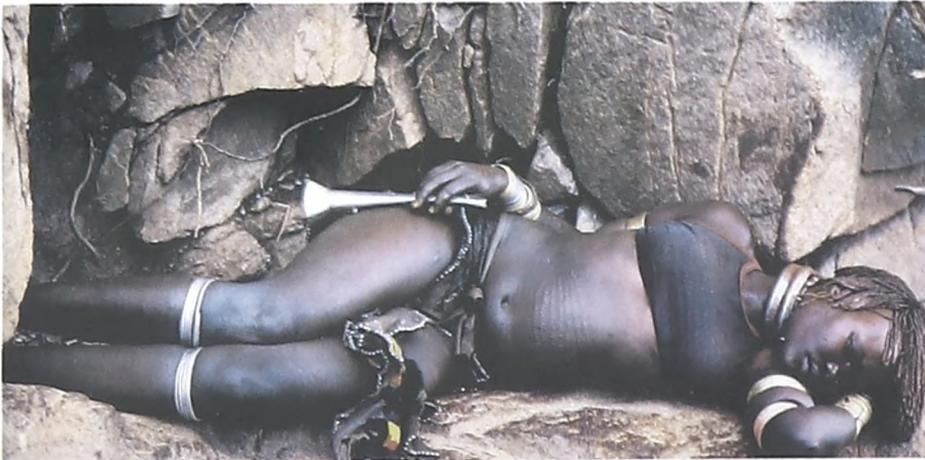
В Малабаре колдун, выгнав беса из больного, отрезает у последнего волосы для умиловливания демона [14].

Хотя отшельники традиционно носили длинные волосы, правила многих религий, следуя обычаю египетских жрецов, требовали брить головы в знак покорности Богу и ухода от материального мира. В христианском монашестве есть ритуал «пострига». В Древнем Китае обрезание волос было близко символизму кастрации.

Во время войн американские индейцы снимали скальп с врага, забирая тем самым его силу. По исламскому обычаю пучок волос оставляли для того, чтоб за него право-

верного подняли в рай; для этой же цели современные кришнаиты оставляют на макушке прядь волос или косичку.

В то время как волосы на теле обычно ассоциировались с физической силой и низким уровнем духовного развития

(волосатость — атрибут дьявола в христианском искусстве), волосы на голове связывают с индивидуальным духом или жизненной силой, что объясняет обычай хранить отрезанные локоны.

Тот факт, что у многих народов волосы на голове ассоциировались с жизненной силой и мощью, нашел отражение в мифах, легендах, сказках. Так, длинные волосы Самсона, древнеиудейского богатыря, были знаком харизматической святости, непобедимости и духовного здоровья. Эти же мотивы мы обнаружим в сказке «Три волоска деда-Всеведа», в современной повести-сказке «Старик Хоттабыч» и многих-многих других произведениях.

Длинные волосы были знаком королевской власти или свободы и независимости, как у галлов и других кельтских народов.

Длинные распущенные волосы у женщин означали статус незамужней или девственности, как в христианской иконографии у Девы Марии и святых дев (в противовес заплетенным волосам блудниц). Но эта символика не была повсеместной.

В России незамужние девушки заплетали одну косу, а замужние женщины — две. Распущенные волосы означали сексуальный призыв, а иногда — неопрятность. Про женщину или девушку с неуложенными волосами и непокрытой головой (знак непокорности и своеволия) могли сказать, что она «непри-

бранная», «простоволосая» и даже «распущенная».

В соответствии с различными традициями, отрезание, отращивание, вырывание волос символизировало горе.

Цвет волос имеет собственный символизм: рыжие волосы символизируют дух свободы и непокорности, светлые — власть солнца или духовных правителей, а черные — светскую власть.

Растрепанные волосы могут символизировать аскетизм — атрибут Шивы, который изображается с неуложенными волосами.

В настоящее время в европейской традиции длинные волосы у мужчин, обривание головы у женщин, причудливые прически — модные символы протеста, нонконформизма или клановой принадлежности.

Социальные требования к телу

Наряду с эстетическими требованиями к телу предъявляются этические, религиозные, политические, утилитарно-практические... Само представление о телесной красоте формировалось под воздействием всех этих установок.

Поражает удивительная пестрота их.

Моральным критериям подвержена даже топография тела. Так, дуализм левого и правого, столь четко обозначенный у пифагорейцев, пронизывает всю греческую философскую мысль V века до н.э. У медиков гиппократовской школы считалось, что зачатие мальчика происходит в правой части матки, а девочки — в левой; что правая грудь сильнее, чем левая; что у беременной женщины устанавливается связь между мужским зародышем и правой грудью.

Любопытно и то, что пифагорейцы, так же как и древние китайцы, связывали правое с верхом, идентифицируя его с добром, а левое — с низом, идентифицируя его со злом.

У китайцев ян (мужское начало) ассоциировалось с верхом тела, с правой его стороной, с наружными его поверхностями, в то время как инь (женское начало) связано с нижней частью тела, с левой стороной и внутренними поверхностями.

В Южной Индии оппозиция правого и левого является элементом кастовой символики.

Крупнейший теоретик раннего христиан-

ства Тертуллиан считал, что женская внешность включает в себя два понятия — убранство и украшательство. Первое он связывает с опрятностью, но осуждает как тщеславие; второе — с распутством. Совершенной и целомудренной христианке следует, по его мнению, не только не стремиться к привлекательности, но прямо ненавидеть ее, так как желание нравиться с помощью искусственных прикрас может происходить только от развращенного сердца.

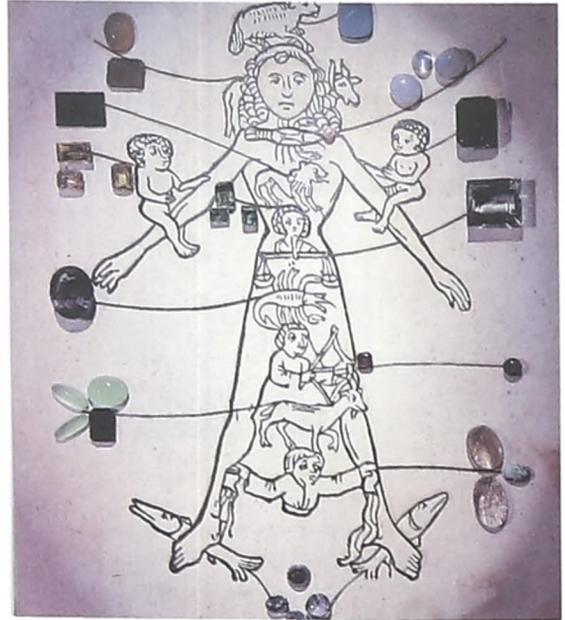
Тертуллиан полагал: прекрасные качества тела не должны интересовать нас, потому что долг наш — украшать свою душу. Христианин может хвалиться плотью, но плотью, изможденной покаянием и отвердевшей от святых подвигов, дабы с нею венчался и дух, — а не для того, чтоб прельщать взоры юношей (Тертуллиан К.С.Ф. О женском убрании. Пер. Э. Юнца).

Приблизительно об этом же, но значительно раньше и с несколько другими оценками, писал Плутарх: «Женщины, злоупотребляющие притираниями и благовониями, украшающие себя золотом и пурпуром, представляют мне суетными, но никому не будет поставлено в упрек пристрастие к купанию, натиранию маслом, поддерживанию волос в чистоте» [11].

Оппозиция «возвышенного верха» — «низменного низа», отчетливо сформулированная еще древними греками, прошла через все этапы развития европейской культуры и сохранилась по сей день.

У Эразма Роттердамского, философа эпохи Возрождения, мы находим прямо-таки фрейдистский пассаж: «Юпитер... заточил разум в тесном закутке черепа, а все остальное тело обречено волнению страстей. Далее, он подчинил его двум жесточайшим тиранам: во-первых, гневу, засевшему, словно в крепости, в груди человека, в самом сердце, источнике нашей жизни, и, во-вторых, похоти, которая самовластно правит нижней половиной... Насколько силен разум против этих двух врагов, достаточно обнаруживает повседневная жизнь: пусть его вопит до хрипоты, провозглашая правила чести и добродетели, — бунтовщики накидывают своему царю петлю на шею и поднимают такой ужасный шум, что он в изнеможении сдается и на все изъясняет свое согласие» [13].

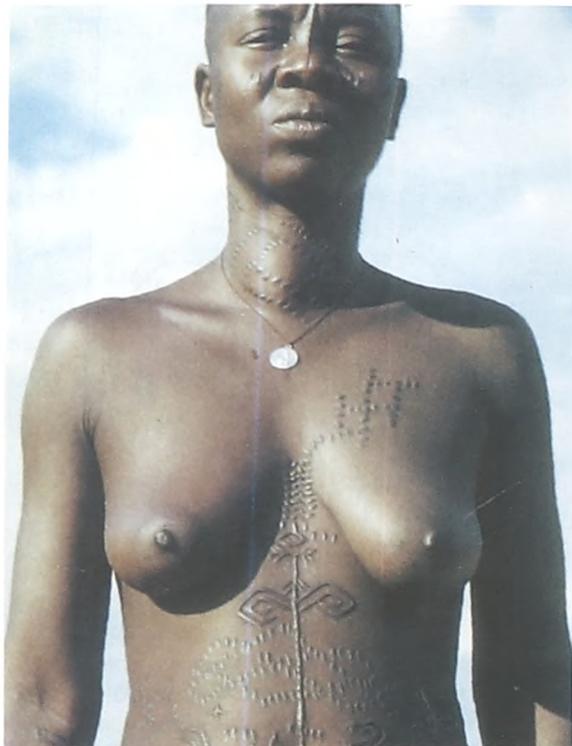
Замечательный интеллектual своего вре-

мени, он остроумно высветил уже сложившуюся оппозицию «мужское-женское», рекомендуя «сочетаться браком с женщиной, скотинкой непонятливой и глупой, но зато забавной и милой, дабы она своей бестолковостью приправила и подсластила тоскливую важность мужского ума».

Со свойственной ему пронией Эразм Роттердамский рассуждал: «Скажите, пожалуйста, разве голова, лицо, грудь, рука, ухо или какая другая часть тела из тех, что слынут добропорядочными, производит на свет богов и людей? Нет, умножает род человеческий совсем иная часть, до того глупая, до того смешная, что и поименовать-то ее нельзя, не вызвав общего хохота. Таков, однако, источник более священный, нежели числа Пифагоровы, и из него все живущее получает свое начало» [13].

Тело должно было не только красиво выглядеть, но и обладать другими важными социальными качествами, например, быть незаметным, «спрятанным», прикрытым — в христианской и мусульманской культурах; сильным, выносливым, неприхотливым у спартанцев, а также у охотничьих и воинствующих племен; способным и наилучшим образом подготовленным к рождению и выхаживанию потомства в тех культурах, где еще не утрачен инстинкт сохранения рода: очищенным перед тем, как общаться с Богом или бо-

гами (мусульманство, христианство, синто и т. д.).

Процедуры очищения широко применяются практически у всех народов и с утилитарными и с ритуальными целями от рождения до смерти.

Часто церемониальное очищение используется в ситуациях, которые требуют реального очищения: например, очищение новорожденного и роженицы.

Способы очищения разнообразны и культурно обусловлены. Иногда оно происходит не буквально, а символически. Вряд ли с точки зрения здравого смысла можно считать очищением «омовение» пылью или песком, но с точки зрения религиозной (мусульманской) логики этим вполне можно заменить омовение водой в условиях, когда ее нет.

Ритуальные очищения вообще не всегда согласуются с правилами гигиены и представлениями об опрятности, потому что они осуществляются не только огнем или окуриванием, но и жиром животных, слюной и даже... мочой священной коровы, как это принято в Индии.

У русских староверов «нечистым» счита-

ется мыло: все, вымытое с мылом, в том числе и тело, считается «опоганным» [4].

Опрятность и чистота тела поддерживались у разных народов по-разному. И это тоже исторически и культурно обусловлено. Вот, например, как Геродот описывает скифскую баню: «Взяв это конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия. Это парение служит им вместо бани, так как водой они вовсе не моются. Скифские женщины растирают на шероховатом камне куски кипариса, кедра и ладана, подливая воды, затем полученным от растирания тестом обмазывают все свое тело и лицо. От этого тело приобретает приятный запах, а когда на следующий день смывают намазанный слой, оно становится даже чистым и блестит» [3].

У восточных славян (в частности, у русских) баня была не только средством поддержания чистоты: ее воспринимали и как удовольствие, как наслаждение. Но при этом, как это ни парадоксально, баня считалась «поганой», потому что в ней нет икон, — и вода в ней тоже «поганая»; поэтому после бани следует обмыться чистой водой. В тот же день в церковь не ходят. Существует поверье, что в бане обитает особый дух, наподобие домового — «банник» [4].

Русский этнограф и путешественник XIX века академик В.В. Радлов отмечал ужасающую нечистоплотность алтайцев, кожа которых покрыта сплошной коркой грязи. Они суеверно полагают, что в чистоте таится некая опасность: больной не должен мыться, если прополоскать котел, то пропадет молодец и т. п.

В.В. Радлов сообщает: «Здесь совершенно обычное дело, чтобы женщина ложкой, которой она только что мешала еду в котле, залезала себе под рубаху и чесала спину, чтобы женщины и девушки на наших глазах искали в головах насекомых. Так как бедняки круглый год носят шубы на голом теле, они полны насекомых, от которых страшно страдают, — и на каждой стоянке путешественника ожидает печальная необходимость присутствовать при вылавливании из шуб вшей» [12].

По наблюдениям этого «отца русской

тюркологии» мужчины и женщины обычно снимают нижнее платье лишь тогда, когда от него уже почти ничего не остается, — и поэтому оно настолько засалено, что трудно распознать его первоначальный цвет; оно буквально сгнивает на теле.

Неверно было бы предположить, что нечистоплотность свойственна нецивилизованным народам, проживающим далеко от водоемов. Вспомним законодательницу мод — Францию. В женском костюме XVI века, наряду с другими украшениями, в моде были подвешенные на цепочку к поясу шкурки, игравшие роль «блохоловок».

Считалось, что все имевшиеся в пышных платьях блохи должны собираться именно сюда... Иногда «блохоловка» имела вид изящной драгоценной коробочки с небольшим отверстием, куда капали мед, — и блохи, привлеченные его запахом, забирались в нее, а выпрыгнуть обратно не могли.

Да и шелковое нижнее белье так полюбили французской аристократии именно потому, что по его гладкой поверхности хорошо скатывались паразиты [6].

Мы не случайно переклочкились на разговор об одежде: в культурах, где принято носить одежду, функции тела частично делегируются одежде, которая выступает как *одно из проявлений телесности*.

Особенно ярко видно это в иерархических сообществах, где одежда и аксессуары непременно должны отражать и демонстрировать статус личности.

Философ-киник Диоген Синопский, увидев нарядно одетых юношей с Родоса, сказал: «Все это гордыня». Потом он повстречал молодых людей из Спарты в грубых и грязных плащах. «И это гордыня... Только на другой манер» [1].

Статусные различия, которые первобытные народы простодушно отражали на своем теле, цивилизованные люди демонстрировали через одежду. Так, по предписанию 1710 года шлейф французской королевы имел длину 11 локтей, принцесс — 5 локтей, герцогиня — 3 локтя и т. д. [6].

По постановлению королевы Елизаветы, в XVI веке средний класс не имел права носить шляп — это было привилегией дворянства... Примеров можно привести множество: подобные ограничения и предписания в одежде мы находим и в Древнем Риме,

и в Московской Руси, и в конфуцианском Китае.

Требования, предъявляемые к телу и телесности, относятся не только к внешним проявлениям, но и подразумевают воспитание в человеке важных, социально одобряемых духовных качеств, которые неразрывно связаны с укрощением и воспитанием плоти, с дисциплиной тела и телесности. Так, очень ярко борьба социального с природным проявляется в претерпевании боли. Культура многих народов требует скрывать свои страдания. Это показал на примере стоического философа античный писатель Гелий Авл: «Вы видели не совсем приятное зрелище, но все же полезное для ознакомления, — столкнувшихся и сражающихся философа и боль. Сила и природа недуга, который у него был, способствовали тому, что он твердо сносил, и сдерживал, и подавлял внутри себя буйство обнаглевшей болезни. Он не издавал никаких сетований, никаких рыданий, никаких позорных криков» [2].

Крепость тела высоко ценилась у большинства народов, но особенно там и тогда, где и когда от физически крепкого и выносливого тела зависело не только здоровье, но и сама жизнь. Так, Сократ в разговоре с Эпигеном утверждал: «Немало людей по случаю слабости тела гибнет в боях с неприятелями или с позором спасает себе жизнь, попадая в плен и оставаясь в рабстве: многие наживают худую славу из-за телесной слабости, потому что их считают трусами... А между тем, жизнь людей крепких телом совершенно противоположна жизни слабых. Люди, крепкие телом, и здоровы, и сильны; благодаря этому многие с честью выходят невредимыми из сражений с неприятелями и избегают всех тяжелых последствий войны; многие помогают друзьям, приносят пользу отечеству и за это удостоиваются благодарности, приобретают великую славу, достигают самых высоких почестей и остаток жизни проводят в большой радости и славе, а детям своим доставляют возможность жить в лучших условиях».

Уже древние греки осознавали, что физически совершенное тело — чаще всего не дар, а результат огромного труда над собой: «Какой позор состариться из-за своего пренебрежительного отношения ко всему, не увидав,

каким красавцем и силачом можешь стать! А этого не увидишь при пренебрежительном отношении: само собою это не приходит!».

Для женщины лучшим средством укрепления тела греки считали занятия домашним хозяйством. Но вот киник Кратет был иного мнения: в письмах к жене Гиппархии он призывал ее заниматься спортом и закалять себя и их новорожденного сына.

Неоднозначным было у древних греков отношение к обнаженному телу... В трудах Геродота мы замечаем его ироническое отношение к восточному «целомудрию». В самом деле, стыд, который вызывало у варваров обнаженное тело, мог показаться греку, проводившему большую часть дня обнаженным на палестре, нелепым и смешным. Тела не стыдились, и любые его проявления казались естественными. Однако насильственное раздевание было оскорбительным [3].

Совсем по-иному расценивается тело и телесность у Плутарха, который жил на пять веков позже. В его рассуждениях совершенно очевидно противопоставление души и тела у ущерб последнему. Душа «запятнана» телом; тело обременяет душу, заставляя обслуживать себя. Телесные удовольствия — в отличие от интеллектуальных бесед — философ считал низменными. Эти идеи сформировались не только под влиянием стоической философии: на Плутарха безусловно повлияло и набиравшее силу в первом веке нашей эры христианское мировоззрение, которое всегда рассматривало тело как обузу душе.

Впрочем, во времена Плутарха были весьма своеобразные представления об устройстве и тканях человеческого тела... Например, Сулла выдвинул предположение, что старикам не хватает влаги: «О сухости их природы говорит их негибкость и жесткость, а также шершавость». Старческой природе присущи признаки опьянения: дрожание членов, косноязычие, излишняя болтливость, раздражительность, забывчивость, рассеянность. Поэтому нет ничего более похожего на старика, чем пьяный молодой человек.

Некоторые древнегреческие философы и медики полагали, что в образовании плода участвует и женское, и мужское семя. Иной точки зрения придерживался Аристотель, считавший, что семя возникает в результате переваривания «избытков питания» под воздействием тепла, присущего живому организ-

му. Женщины, по его мнению не обладают таким теплом в должной мере и потому не способны производить семя, подобно мужчинам, а те «избытки питания», которые есть в женском организме, идут на создание питательной среды для развития принятого женщиной мужского семени; оставшись без применения, они выбрасываются в виде месячных очищений.

А вот сон, считал великий философ, происходит вследствие охлаждения: присущее организму внутренне тепло концентрируется в его глубине (например, после приема пищи), а части, лишенные тепла, охлаждаются, и человек засыпает. (Сходное объяснение природы сна мы находим у Лукреция.)

Представление о связи тепла и жизни — одно из древнейших. Например, Пифагор утверждал: «Живет все, что причастно теплу», «Тепло — причина жизни». Платон писал, что «всякое живое существо обладает очень большим внутренним теплом в крови и в жилах».

Во времена Плутарха понятие «внутреннего тепла» также было очень популярно. И оно было тесно связано с понятиями «дыхание» и «пневма». Эти два понятия зачастую используются как тождественные.

Плутарх неоднократно обращается к понятию «пневма» при объяснении различных явлений в органической и неорганической природе. Само слово, аналогично понятию «ци» (энергия) у китайцев, означает «дуновение», «дыхание», «нечто газообразное в движении».

Представление о пневме как о некоем «жизненном дыхании», движущемся в теле человека, существовавшее у натурфилософов и медиков VI—V вв. до н.э., было воспринято Аристотелем, определившим субстанцию «пневма» как «теплый воздух» или «одушевленная теплота».

Плутарх неоднократно говорит о скрепляющей, связующей роли пневмы.

Скорее всего, это влияние стоической теории «пневмы», согласно которой тончайшая огненно-эфирная субстанция пронизывает весь космос, объединяет его в целостный организм и сообщает единство как неорганическим телам, так и растениям, животным и человеку, последней — в качестве души. Дыхание неразрывно связано с жизнью хотя бы потому, что передает чувствительность телу. Любопытно определение души, данное Поси-

донием: «Душа есть теплое дыхание (пневма), которое нас одушевляет и которым мы движемся» [11].

Телесность — жизнь тела

Пожалуй, самым ярким и выразительным культурным проявлением телесности являются движения, связанные с танцем, а также с соблюдением этикета и хороших манер. Так, в Испании XVII века существовала целая система движений веера, составлявшая как бы разговор на веерах. В этом сдержанном и выразительном «разговоре» выявлялся национальный характер испанок, в котором сочетались страстность и холодность, светскость и набожность, искренность и скрытность. А в XVIII веке, который называли «галантным веком», веком пудры, кружев и менуэта, идеалом были изящество силуэта, хрупкость и утонченность. Моды создавались при дворе и отражали эстетические взгляды аристократии. В центре внимания был интимный мир и чувственные переживания. В салонах господствовали женщины.

Желание нравиться вызывало к жизни одежду, подчеркивающую формы тела. Все хотели быть молодыми. Чтоб скрыть возраст, волосы покрывали слоем пудры, скрывающей седину, щеки румянили. Движение, походку вырабатывали с учителем «хороших манер». Сидя за столом, даже вставляли ноги в специальные колодки: приучали их к третьей позиции... «Хороший тон» был последней преградой, при помощи которой аристократия отгораживалась от буржуазии.

Ритуалы (частным проявлением их является этикет) всегда использовались как средство социальной дифференциации, начиная с архаических сообществ и заканчивая современным обществом.

По части внедрения ритуалов всех превзошли китайцы эпохи конфуцианства. Именно тогда были созданы так называемые «китайские церемонии» — сложные действия, предписанные на все случаи жизни, действия, которые простой крестьянин или ремесленник не мог знать.

Зато чиновники знали их великолепно. Без знания и выполнения ритуалов они не смогли бы продвигаться по иерархической служебной лестнице. В китайских источниках зафиксиро-

вано *триста видов церемоний и три тысячи правил достойного поведения.*

Существовало специальное учреждение — Палата церемоний, которая строго следила за выполнением правил, обрядов и процедур, унаследованных от прошлого. Этикет при императорском дворе, деятельность административного и военно-бюрократического аппарата, поведение в семье, на службе, праздники, цвет одежды, способы приветствия — словом, вся жизнь человека от рождения и до смерти строго регламентировалась традиционными церемониями. Форма поведения в конфуцианском Китае была эквивалентом религиозного ритуала, молитвы в христианстве или исламе, аскезы или медитации в индуизме и буддизме. Более того, ни в одной из развитых религиозных систем, даже в исламе с его обязательной ежедневной пятикратной молитвой, жизнь людей не окутывалась такой густой паутиной обязательных церемоний.

Негативные следствия абсолютизации формы оказались весьма серьезными: регламент сковывал возможности человека. Чем неукоснительнее было соблюдение обязательного церемониала, тем более приближался человек к состоянию автомата. Ни свободного волеизъявления, ни смелости и непосредственности в чувствах, ни стремления к гражданским правам — все это замещалось, вытеснялось жесткой тенденцией к конформизму, к полному и автоматическому соблюдению детально разработанной и веками апробированной формы. «Драконовская регламентация, — писал французский наблюдатель Жан Род, — действуя из поколения в поколение в течение целого ряда веков, привела к весьма печальным результатам; ибо если она и воспитала в китайце чувство солидарности и товарищества, то с другой стороны, она же и обезличила его, уничтожив в нем дух инициативы, энергии и индивидуализма».

Культ формы породил в среде конфуцианских шэньши («ученых мужей», чиновников, сдавших экзамен на ученую степень) странное переплетение чувства сильного самоуважения с показным самоуничтожением. Нормы поведения предполагали уничижительный тон обеих сторон по отношению к себе («Я, ничтожный, осмеливаюсь побеспокоить...», «Как Ваша драгоценная фамилия?», «Ваш недостойный слуга надеется...» и т. п.). Такая форма общения не означала,

что собеседники, даже если их поза, поклоны, жесты, мимика соответствовали самоуничижительному тону, действительно считают себя ничтожными. Напротив, у них, как правило, было обостренное чувство собственного достоинства, а самой страшной, непереносимой обидой, катастрофой для любого из них была «*потеря лица*» — публичное унижение, обличение, обвинение в чем-то недостойном, не соответствующем его чину, положению, образованию, воспитанию. Публичное обвинение, например, во взяточничестве или мошенничестве, было для чиновника, независимого от полагавшегося за это наказания, моральной смертью.

Существует удивительное разнообразие качеств (в том числе и телесных), которыми люди гордятся или которых стыдятся: произношение, твердость зубов, предки, физическая сила, умение драться, число прочитанных книг, количество знакомых знаменитостей, честность, терпение, память, умение делать деньги, манеры, способность манипулировать другими людьми, большая грудь, маленькая стопа или длинная шея. Человек может ощущать неполноценность, поскольку у него кривые зубы, хилая комплекция или он беден. Если бы он мог представить, какую зависть вызывает его пышная шевелюра у стройного друга, который преждевременно польсел! Женщина может быть недовольна собой, поскольку у нее плохая фигура, но ведь иные красавицы могут восхищаться ее интеллектом и чувством юмора.

Среди наиболее общих стандартов суждения о самом себе — *идеалы мужественности и женственности*. Люди чувствуют неполноценность, когда они считают, что не соответствуют этим идеалам и предпринимают отчаянные усилия, чтобы добиться этого соответствия, в том числе и трансформируя свое тело при помощи косметики, пластической хирургии, пирсинга, татуировок, бодибилдинга, парикмахерского искусства, одежды, украшений и т. д. и т. п. Повысив свою привлекательность, они рассчитывают поднять свою ценность в глазах тех, кого любят сами. Все эти манипуляции со своим телом и телесностью — плата за ожидаемый успех, кооперацию, взаимную любовь или сотрудничество, т. е. за будущие социальные дивиденды, и лишний раз демонстрируют взаимозависимость людей и их социальную сущность.

Если говорить о сугубо телесных проявлениях женственности, то это большая жировая прослойка, более высокий голос, более длинная и тонкая чем у мужчин, шея, маленькая стопа, пухлые губы, широкие бедра и округленный живот, выпуклая грудь, длинные волосы, большие глаза, мягкость движений, податливость, уступчивость (иногда показная).

Мужчины любят демонстрировать мужественность и смелость через ритуалы и занятия, обнаруживающие их волевые качества, способность рисковать, силу, ловкость, выносливость, твердость, надежность. Отсюда страсть к татуировкам и другим телесным поvreждениям, увлечение экстремальными видами спорта (гонки, бокс, прыжки с высоты и т. д.), стремление к противостоянию в любой форме, вплоть до войны.

Существует, правда, и косвенный способ демонстрации мужской мужественности — демонстрация высокого социального статуса, который подразумевает богатство, влияние и респектабельность, способные обеспечить защищенность будущей спутнице.

Помимо общих для всех стереотипных представлений о мужественности и женственности, существуют еще национальные и культурные предрассудки по этому вопросу у разных народов. Например, у южан женственность предполагает бледную кожу, которая ассоциируется с более высоким статусом, так как женщина, имеющая белую кожу, не работает в поле. Тучность как проявление женственности ценится там, где есть проблемы с едой. Беспомощность, как общий при-

знак женственности, возведена в степень в средневековом Китае, где обладательница миниатюрной «лотосовой стопы» не могла передвигаться без посторонней помощи.

В норме особенности мужской и женской манеры поведения воспитываются обществом уже с раннего возраста. Они обусловлены культурной традицией, историческим временем, половым разделением труда, экономической зависимостью или наоборот, независимостью женщины, господствующей моралью, эстетическими идеалами и так далее. Однако развитие современных биотехнологий, этих культурных преобразований природного, сделали возможным даже изменение пола. Заметим, что такой «переделанный» человек начинает вести себя в соответствии со своим новым полом, воспроизводя образцы новой для себя телесности.

Профессиональная деятельность также предъявляет определенные требования к внешнему виду и поведению, т. е. к телесности человека. Иногда эти требования возникают бессознательно, на уровне социальных ожиданий. Иногда — осознанно выдвигаются социальной группой в виде определенных предписаний относительно внешнего вида работника (форма одежды, опрятность) и его манеры вести себя. Это заметил еще Ксенофонт, который в «Воспоминаниях о Сократе» писал следующее: «Во всех человеческих профессиях тело нужно; а во всех случаях, где применяется телесная сила, очень важно возможно лучшее развитие организма. Даже и там, где, по видимому, тело наименее нужно, в области мышления, даже и в этой области — кто этого не знает? — многие делают большие ошибки оттого, что не обладают физическим здоровьем. Кроме того, забывчивость, уныние, дурное расположение духа, сумасшествие у многих часто вторгаются в мыслительную способность вследствие телесной слабости до такой степени, что выбивают даже знания. Напротив, у кого телосложение крепкое, тот вполне гарантирован от таких невзгод. А какого труда добойтся всякий здравомыслящий человек ради благ, противоположных вышеуказанным явлениям?» [7].

Некоторые профессии предполагают наличие (или хотя бы демонстрацию) определенных профессиональных качеств. От врача, как правило, ждут компетентности и спокойной уверенности. От полицейского —

выдержки и корректности. От военного — дисциплинированности и боевой готовности. От служащего — готовности помочь клиенту в решении его проблем. От психолога и учителя — мудрости и способности к эмпатическому слушанию. От артиста — способности к перевоплощению и умения быть ярким и интересным. От политика — политической дальновидности и уверенности в избранном курсе. Как не привести в этой связи замечание, которое прозвучало после того, как вся страна увидела трясущиеся руки одного из членов ГКЧП: «Трясущимися руками власть не берут».

Все эти моменты важно учитывать при самопрезентации, в искусстве формирования имиджа, в актерском ремесле, в создании рекламы. Специалисты в этом вопросе знают, что обмануть телесно гораздо сложнее, чем словесно. Но в принципе, потренировавшись — можно. Поэтому над этим особенно кропотливо работают разведчики и актеры.

Очень важно иметь в виду, что телесное и духовное состояния очень тесно взаимосвязаны. Когда мы плохо себя чувствуем физически, больны, то и психически мы ощущаем подавленность, отсутствие интереса к жизни, снижение жизненного тонуса и т. п. В свою очередь психологические проблемы приводят к мышечным блокам и зажимам. То есть, меняясь телесно, мы меняемся духовно. Меняясь духовно, мы меняемся телесно. Учет этой взаимозависимости психического и физического и действие принципа обратной связи широко используется в различных восточных («внутренняя улыбка») и западных психотехниках (телесно-ориентированная психотерапия) с целью помочь человеку обрести здоровье, уверенность в своих силах и повысить его жизненную успешность.

Вот что пишет об этом исследовательница архаических культур М. Мид: «Значение танца в воспитании и социализации самоанских детей двояко. Во-первых, танец превращается в подлинную оргию энергичного утверждения личности. Во-вторых, само участие в танцах снижает порог застенчивости. Выход на сцену для ребенка на Самоа неизбежен. Поэтому каждый ребенок здесь должен сделать усилие, подняться и принять участие хотя бы в нескольких фигурах танца. Благотворные результаты этой воспитываемой с раннего детства привычки к аудитории и навыков владения собст-

венным телом... приводят к тому, что чувство неполноценности в его классической форме, столь распространенное в нашем обществе, редко можно встретить на Самоа...» [9]. Этот пример лишней раз подтверждает мысль о том, что и западные и восточные люди решают многие проблемы похожими методами, с той лишь разницей, что западный человек чаще всего идет «от ума», а восточный — от интуиции. Но стихийно и спонтанно они приходят к тем же результатам.

Подводя итоги, мы должны констатировать следующее. Человек, желающий быть принятым обществом, в котором он живет, следует его ожиданиям и работает над собой, в частности, и над своим телом и манерами, выполняя своего рода социальный заказ. Изменяя свое природное тело, корректируя телесность, человек реализует отнюдь не биологические, а именно *социальные* потребности: *стремление соответствовать* идеалу мужественности или женственности, эталону красоты, моральным и религиозным требованиям своего окружения.

* * *

Гигантский позитивный и негативный опыт людей по использованию и преобразованию собственных тел учит, на наш взгляд, следующему: *в равной мере недопустима абсолютизация как природы, так и культуры.*

Желание любви, принятия, общественного одобрения — естественная социально-психологическая потребность любого человека. А тело (стремление соответственно выглядеть) и

телесность (хорошие манеры, соблюдение этикета) — не самые последние аргументы в борьбе за реализацию этой потребности. Тело и телесность — не только самооценка, но и средство поведать о себе миру, повисить самооценку, добиваться своих целей, более успешно взаимодействовать с людьми, лучше понимать их истинные намерения, т. е. эффективное средство социально-психологической адаптации.

Но, с другой стороны, тело человека — не болт и не гайка, не лопата и не веник, не инструмент, который по использованию можно без сожаления выбросить. Тело человека во многом — он сам. Поэтому чисто инструментальное отношение к телу, бездумные эксперименты с ним по принципу «куда хочу — туда ворочу» — это самоубийственная тактика.

В конце XX века в науке появилось очень важное понятие — «коэволюция», указывающее, что общество должно использовать свои огромные силы не во вред природе, а в целях сохранения и приумножения ее богатств. Этот подход, думается, должен доминировать в сознании и поведении человека по отношению к собственному телу.

Список литературы

1. Антология кинизма. М., 1984. 400 с.
2. *Гелий Авл.* Аттические ночи. Томск, 1993. 208 с.
3. *Геродот.* История в девяти книгах. М., 1993. 600 с.
4. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. 602 с.
5. *Интимная жизнь мужчины и женщины.* Калининград, 2001. 168 с.
6. *Киреева Е.В.* История костюма. М., 1976. 174 с.
7. *Ксенофонт.* Воспоминания о Сократе. М., 1993. 380 с.
8. *Линдبلاد Ян.* Человек — ты, я и первозданный. М., 1991. 264 с.
9. *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988. 429 с.
10. *Моррис Д.* Голая обезьяна. СПб., 2001. 269 с.
11. *Плутарх.* Застольные беседы. Л., 1990. 592 с.
12. *Радлов В.В.* Из Сибири. М., 1989. 752 с.
13. *Роттердамский Э.* Похвала глупости. М., 1971. 769 с.
14. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М., 1989. 573 с.